

Левый канцлер Цзи Вэнцзи происходил из простой бедной семьи. Хотя ныне он и занимал столь высокий пост, рукава его оставались чисты от взяток — он вел поистине скромную жизнь. Принимая своего любимого ученика, он угощал его блюдами, приготовленными руками самой супруги Левого канцлера: на столе стояла простая дикорастущая зелень, и было всего два мясных и два овощных блюда.

Увидев Левого канцлера, Чжао Цзин со слезами на глазах упал перед ним на колени:

— Ученик виноват перед вами, учитель!

Цзи Вэнцзи придержал его за руки, не дав опуститься коленями на пол, и мягко произнес:

— В чем же твоя вина передо мной, Боань? Садись за стол, перекуси и не лей слезы. Пусть это всего лишь дикие травы, но когда ты отправишься в Циньчжоу, возможно, не найдешь даже такого.

Циньчжоу с давних времен считался глухим и суровым краем. Неизвестно, через сколько лет и месяцев Чжао Цзин сможет вернуться оттуда.

Разве мог Чжао Цзин проглотить хоть кусок? Сглотнув ком в горле, он выговорил:

— Ученик не справился с поручением и навлек бедствие на учителя... Его Величество прилюдно выговор вам сделал!

Цзи Вэнцзи лишь улыбнулся:

— Дело не в том, что ты плохо старался, а в том, что я ошибся. Я думал, Ван Цюань продвигает налоговую реформу лишь ради интересов знатных кланов, а потому вмешался и заново открыл Финансовый приказ. Ныне, год спустя, оглядываясь назад, я понимаю: я недооценил Ван Дэчжана. Я проявил мелочность. В этом вопросе мне не сравниться с его размахом!

Чжао Цзин не понимал:

— Учитель?

— За эти месяцы я постепенно начал постигать задумку Ван Цюаня. Если ему удастся довести дело до конца, это станет великим благом. Ныне он учреждает на Северо-Западе Приказ серебряных ассигнаций. Я примерно понимаю его замысел, но у меня уже нет сил помешать или вмешаться.

Чжао Цзин с самоосуждением произнес:

— Это ученик не смог управиться с делом.

Цзи Вэнцзи ответил:

— Нет худа без добра.

Чжао Цзин растерянно посмотрел на него.

Цзи Вэнцзи попробовал угощение и слегка указал палочками на север — в сторону императорского дворца Великой Сун.

— Взгляни сам: ныне мой лучший ученик сослан в Циньчжоу, а влияние фракции Левого

канцлера существенно пошатнулось. Разве император не должен наконец успокоиться?

Чжао Цзин долго размышлял, по крупицам восстанавливая в памяти все события прошедшего года.

Внезапно холод пробежал по его телу, а следом к груди прилила горячая волна. Будучи лучшим учеником Цзи Вэнцзи, он вовсе не был глуп и теперь действительно всё осознал.

Чжао Цзин поднялся и глубоко поклонился:

— Учитель проявил высокое благородство. Ученик всё понял!

Цзи Вэнцзи безмятежно улыбнулся:

— Ешь!

По сравнению с усадьбами других канцлеров Усадьба Левого канцлера казалась поистине бедноватой.

Закончив трапезу, учитель и ученик отерли руки влажными салфетками и прошли в кабинет Цзи Вэнцзи.

Стоило открыть дверь, как в лицо ударил густой запах старой бумаги и туши. Цзи Вэнцзи вошел в кабинет, взял несколько книг и протянул их Чжао Цзину. Тот принял их обеими руками.

Цзи Вэнцзи молвил:

— Путь в Циньчжоу крут и тернист, среди бесконечных гор. Неизвестно, через сколько лет мы свидимся вновь. Читай там побольше книг, а когда вернешься в столицу, расскажешь мне о прочитанном.

Чжао Цзин ответил:

— Ученик запомнит ваши слова.

Подарив книги, учитель и ученик попрощались.

Чжао Цзин глубоко поклонился, высоко подняв соединенные руки:

— Надеюсь вновь встретиться с вами, учитель, в Шэнцзине.

Цзи Вэнцзи улыбнулся:

— Ступай.

Чжао Цзин повернулся и ушел, ни разу не оглянувшись. Во второй половине дня легкий экипаж с несколькими сундуками книг покинул Шэнцзин. А ближе к вечеру от ворот усадьбы правого заместителя главы Финансового приказа отбыли еще несколько повозок, груженных вещами. Проехав за город около десяти ли, повозки миновали беседку Шилитин. Правый заместитель главы Финансового приказа Цинь Сы приподнял занавесь, глаза его вспыхнули, и он велел кучеру остановить лошадей.

Повозка остановилась. Цинь Сы, одетый в простое платье, быстрым шагом подошел к беседке и

склонился в поклоне:

— Опальный чиновник Цинь Сы приветствует господина шаншу.

Клубилась желтая пыль. В этой скромной маленькой беседке у старинного тракта Цинь Сы давно уже ждал Ван Чжэнь.

Ван Чжэнь осмотрел его с ног до головы и мягко произнес:

— Господин Цинь, вы весьма осунулись.

В душе Цинь Сы вспыхнула горечь.

С тех пор как в начале года произошли события в управе Гуанлин, император держит его под домашним арестом уже около полугода. Любой человек на его месте исхудал бы от нескончаемой тоски. Цинь Сы произнес:

— Провинившийся чиновник виноват перед вами, господин шаншу: я не смог должным образом выполнить поручения в Финансовом приказе.

Ван Чжэнь удивленно спросил:

— Разве вы не справились?

— Господин шаншу?

— Перед ясным днем небеса всегда затягивают тучи и проливается проливной дождь. Но когда буря утихает, солнце светит ярче, чем прежде. Неужели господин Цинь думает иначе?

Выражение лица Цинь Сы стало сложным, и в конце концов он тяжело вздохнул:

— Вы правы.

Ван Чжэнь лишь улыбнулся, ничего не ответив.

Ван Цюань прикрывался «Двадцатью тремя статьями о налоговой реформе», чтобы тайком осуществить замену монет бумажными деньгами в обход знатных кланов. Однако этот путь провалился и оказался заблокирован. Все, кто шел по нему — будь то Чжао Цзин или Цинь Сы, — оказались замешаны и сосланы в далекие края.

Цинь Сы понимал: если бы дела Финансового приказа увенчались успехом, это принесло бы огромную пользу. Но за благой целью всегда кроется риск. Он знал, что работал на Ван Цюаня и Ван Чжэня. Вот только в этой политической схватке двух партий и он, и Чжао Цзин потерпели поражение, принесшее урон обеим сторонам. Тем не менее в душе Цинь Сы всё еще теплилась надежда, поэтому у беседки Шилитин за городом он со вспыхнувшим ожиданием оглянулся вокруг.

И действительно — он увидел Ван Чжэня!

Цинь Сы молчал. Он ждал, когда Ван Чжэнь даст ему ответ.

И Ван Чжэнь не разочаровал его.

— Я слышал, Цинь Юйдэ больше всего любит сладости из лавки Цайцичжай. У нее нет

заведений за пределами Шэнцзиня. Если вам не удастся отведать их снова, не станет ли это сожалением на всю жизнь?

Глаза Цинь Сы засияли:

— Господин шаншу...

Ван Чжэнь с улыбкой сказал:

— Раз они вам по вкусу, ешьте побольше.

Солнце клонилось к западу, а на востоке восходила ясная луна.

Ван Чжэнь со слугой стоял в беседке Шилитин, провожая взглядом три повозки, увозившие Цинь Юйдэ прочь из Шэнцзиня. Цинь Сы сидел в экипаже с коробочкой лакомств из лавки Цайцичжай, подаренной Ван Чжэнем. Он открыл ее и съел одну сладость. Госпожа Цинь с удивлением спросила:

— Супруг мой, разве ты не всегда недолюбливал эти мучные сладости?

Цинь Сы громко рассмеялся:

— Ошибаешься, жена! Отныне я, Цинь Юйдэ, просто обожаю их!

В борьбе двух фракций обе стороны понесли потери и получили выгоду, но после этой стычки восстановить работу Финансового приказа стало окончательно невозможно.

Однажды Чжао Фу во Дворце Чуйгун обрушился с упреками на влиятельных сановников, спрашивая, неужели они верят, будто Тай-цзу упразднил Три приказа лишь для ослабления канцлерской власти и укрепления трона? Никто из высших чиновников не посмел отвечать. В тот день, помимо государя и вельмож первого и второго рангов, при этом присутствовали лишь историограф-оформитель и историограф-секретарь.

Увы, оба они были недалекого ума: хоть и пылали преданностью, в подобных делах предпочитали заткнуть уши, не смея ни слушать, ни размышлять.

Много времени спустя Ван Чжэнь пересказал эту историю Тан Шэню как шутку.

Тан Шэнь чуть не расхохотался.

Тай-цзу?

Да Тай-цзу был обычным неотёсанным грубияном!

Военным неотёсанным генералом, захватившим поднебесную прямо на поле боя!

Зачем ещё Тай-цзу было упразднить Три приказа, кроме как для ослабления власти канцлеров? Неужели он был способен додуматься до более хитроумных интриг?

Чжао Фу лишь воспользовался авторитетом Тай-цзу, чтобы заткнуть рты четверем канцлерам, и те больше не смели заикаться о возобновлении работы Трех приказов. Когда история с Финансовым приказом улеглась, фракция Цзи и фракция Вана понесли убытки, и лишь один Чжао Фу невозмутимо восседал на троне, наблюдая за усобицами подданных.

Но действительно ли выгоду извлек один только император?

Чжао Цзин сослан, и Цзи Вэнцзи лишился верного соратника при дворе, отчего Чжао Фу стал относиться к нему с большим спокойствием.

Цинь Сы сослан, и Ван Чжэнь потерял ценного подчиненного, а новым правым заместителем главы Финансового приказа Чжао Фу назначил человека Левого канцлера Чэнь Линхая. Но кроме этого Ван Чжэнь ничуть не пострадал. Напротив, Чжао Фу поручил ему полное руководство Приказом серебряных ассигнаций, проникнувшись к нему еще большим доверием.

Новосозданный на Северо-Западе Приказ серебряных ассигнаций ведал главным образом вопросами жалования и провианта для войска.

В четвертом месяце Тан Шэнь тайно передал докладную записку Ван Цюаню, и всего через несколько дней тот составил собственный доклад и представил его государю. Чжао Фу уже успел пасть духом из-за затеи с заменой монет бумажными деньгами, и в последние дни пребывал в дурном расположении духа.

В этом году Чжао Фу перевалило за шестьдесят. За тридцать лет своего правления он совершил немало великих дел. К примеру, на десятом году Кайпин он воевал с Государством Ляо, после чего оба государства подписали мирный договор; на семнадцатом году Кайпин Чжао Фу направил людей на обустройство Хуанхэ, существенно снизив угрозу наводнений. Если вспомнить недавнее — два года назад он приказал проложить три тракта на север, что и веком позже признают выдающимся свершением.

Как мудрый правитель, Чжао Фу полагал, что его имя уже обессмерчено в веках.

Но если удастся претворить в жизнь замену монет бумажными деньгами, он войдет в историю как один из самых прославленных правителей за целые тысячи лет.

<http://bllate.org/book/18292/1754620>